СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXII, № 3.

CROISSANS-CRESCENS

и

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ПОЛОВОЙ МЕТАМОРФОЗѢ.

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

CROISSANS-CRESCENS

и

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ ЛЕГЕНДЫ О ПОЛОВОЙ МЕТАМОРФОЗѢ.

(Академика **А. Н. Веселовскаго**).

Разбирая источники небольшой поэмы Антоніо Пуччи [1]), я указалъ, по поводу эпизода «о перемѣнѣ пола», на сходный разсказъ, встрѣчающійся въ Продолженіи къ туринскому Huon de Bordeaux. Съ тѣхъ поръ такая-же легенда встрѣтилась мнѣ въ другой итальянской поэмѣ — о прекрасной Камиллѣ [2]), а благодаря любезности проф. туринскаго университета І. Мюллера, я получилъ въ 1873 году копію съ большого отрывка туринской рукописи, что дало мнѣ возможность ближе познакомиться съ содержаніемъ французской легенды, извѣстной мнѣ дотолѣ лишь изъ предисловія издателей къ древней поэмѣ о Huon de Bordeaux. Изданіе туринскаго его Продолженія приготовляется проф. Графомъ; въ виду этого обстоятельства я могу сократить цитаты изъ подлиннаго текста, и приведу изъ него лишь отрывки, относящіеся къ *роману о Croissant*, о которомъ говоритъ пересказъ поэмы о Huon de Bordeaux въ александрійскихъ стихахъ, сохранившійся въ одной парижской рукописи:

---

[1]) Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci, отдѣльный оттискъ изъ Ateneo Italiano, 1866, 15 Aprile p. 6.

[2]) Сл. Novella della figlia del re di Dacia. Pisa, 1866, p. LXV sqq.

Et par icelle paix dont je fais parlement
Fust fais ung mariage, se l'histore ne ment,
De Clarisse la belle et du noble Flourent;
Mais n'est pas en ce livre, car il prent finement,
Ains est ens ou rommant, par le corps saint Climent,
De Croissant, cilx de Romme, qui moult ost hardement [1]).

I.

Hues de Bordiaus выдаетъ свою дочь, Clarisse, за Flourent (Fleuriant; Flores, Floures) d'Arragon; у него дочь Ydée [2]); по смерти жены онъ влюбляется въ свою собственную дочь и клянется взять её за себя замужъ. Но Господь помогъ ей сохранить себя: переодѣтая мужчиной, она бѣжитъ отъ отца, добирается до Рима, гдѣ вступаетъ на службу къ императору Октавьяну (Othevien; Otes), который такъ ею доволенъ, что дѣлаетъ её рыцаремъ и даже поручаетъ ей орифламму. Такъ разсказываетъ самъ Hues [3]):

f. 401 r. c. 1 Hues apres li dist et raconta
Com faitement sa fille maria
Au roi Flourent qui noblement regna
Et d'Arragon la terre gouvrena
Dusque a ce tans que del mont devia
f. 401 r. c. 2 Sa fille, en qui une fille engenra.
Quant morte fu, li rois Flourens jura

---

[1]) Huon de Bordeaux, ed. Guessard et Grandmaison, p. LII.

[2]) Florens и Ydes упоминаются въ туринской ркп. Loherains: Et Coustentins et Florens et Ydes; Li rois Florens, Ydes et Coustentins. Ср. Stengel, Mittheil. aus franz. Hss. der Turiner Univ. Bibl. Marburg, Pfeil, p. 25, 27. — Ср. Roman de Vespasien (у Comparetti, Virgilio etc. II, 199): et a Florent et au boinx conte Yde.

[3]) Печатая слѣдующій текстъ мы старались держаться возможно ближе имѣющейся у насъ копіи съ подлинника. Къ случаямъ лирической цезуры, нерѣдкимъ въ изданномъ Графомъ Auberon, встрѣчающимся и въ нашемъ текстѣ, слѣдуетъ, быть можетъ, допустить и замѣченную въ Aiol'ѣ цезуру послѣ шестаго слога: Que sa fille prendroit; mal esploita. — Il vous avoit dit voir, mais c'est passe.

Que sa fille prendroit; mal esploita,
Car Dieus a lui de ce se courecha
Et sa fille bonement consella
Si que lonc tans virginite garda.
A miedi li pucele s'enbla
De dras d'oume son cors apparella,
Tant le chemin vers Romme chemina
C'a Romme vint et tantos s'acointa
A l'empereur, et si bien se prouva
C'a l'empereur telement agrea
Que chevalier en fist et li carcha
S'oliflanbe; maint grant estour outra.

Императоръ хочетъ выдать за неё свою дочь Оливу; особый эпизодъ поэмы открывается рубрикой: Ensi que Ydes, fille Flourent d'Arragon, espousa Olive le fille Othevien l'empereur de Roume. Сцена открывается описаніемъ брачнаго торжества; Оливу ведутъ въ брачный покой и укладываютъ; туда-же является и Ydée, опечаленная; она говоритъ молодой, что ей нездоровится:

f. 394 v. c. 2 Jou ai un mal dont j'ai ciere troublee.

Та успокоиваетъ её: лишь-бы соблюсти приличія и не подать повода къ шуткамъ и злостнымъ насмѣшкамъ (ib. Que jou nen soie escarnie et gabee). Въ самомъ дѣлѣ: на слѣдующій день на вопросъ отца, хорошо-ли ей за-мужемъ, она отвѣчаетъ, что совершенно счастлива:

f. 395 r. c. 1 Fille, fait-il, coment ies mariee?
— Sire, dist ele, ensi con moi agree. —
Adont ot il u palais grant risee.

Только когда гости разъѣхались Ydée рѣшается открыть Оливѣ настоящую причину своего воздержанія: она — дѣвушка, убѣжала отъ грѣшныхъ вожделѣній своего отца; она проситъ Оливу пощадить её. Та утѣшаетъ её, клянется пресвятой Дѣвой — никогда не говорить о томъ своему отцу; такъ какъ Ydée рѣшилась сказаться мущиной, чтобы сохранить свою дѣвствен-

ность, то и она готова раздѣлить ея участь. — Одинъ предатель подслушалъ эту исповѣдь и на слѣдующій же день идетъ съ доносомъ къ императору. Тотъ не вѣритъ своимъ ушамъ, грозитъ смертью негодяю, еслибъ его показанія оказались ложными. Но доносчикъ о томъ и проситъ, чтобъ императоръ самъ убѣдился въ ихъ достовѣрности. И императоръ рѣшается сдѣлать опытъ: велитъ приготовить себѣ ванну, самъ вошелъ въ неё и, позвавъ Ydée, приказываетъ ей сдѣлать то-же. Ydée колеблется, проситъ уволить её; императоръ настаиваетъ: если вѣрно то, о чемъ ему донесли, онъ велитъ сжечь Ydée и Оливу, и бароны подтверждаютъ приговоръ. Въ эту минуту является ангелъ и говоритъ императору, чтобы онъ не тревожился: доносъ былъ вѣренъ, но Господь, по своей милости, превратилъ Ydée въ мущину, Ydée стала Ydes'омъ; отъ него и Оливы родится сынъ, Croissans.

f. 395 r. c. 2 Devers le ciel descent une clartes.
Ce fu un angles, Dix le fist avaler;
Au roi Oton a dit: «Tout cois estes,
Jhesus te mande, li rois de maïste,
Que tu te baignes et si lai chou ester,
Car jou te di en bonne verite:
Bon chevalier a u vassal Yde,
Dix li envoie et donne par bonte
Tout chou c'uns hom a de s'umanite;
Lai le garchon, dist li angles, aler,
Il vous avoit dit voir, mais c'est passe,
Hui main iert femme, or est uns hom carnes:
Dix a partout poissance et poeste.
Otes, bons rois, dedens. VIII. jours venres
En l'autre siecle, de cestui partires,
Et vostre fille avoec Ydain laires,
Un fil aront, Croissans iert apelles,
En sen venir fera mult de bontes
f. 395 v. c. 1 A mult de gent, dont il iert poi ames,
Et si ara mult de grans povertes».
A ices mos s'en est l'angles tournes

Qui bien les a en Romme confortes,
Et en cel jour fu Croissans engenres.

Имя дано новорожденному не случайно:

(l. c.) *Nouviax tans est, le croissant ont vëu,*
L'enfant ont pris quant delivree fu,
Au baptizier lor en est souvenu:
Croissant ot non, pour chou qu'il l'ont vëu,
Mande l'avoit par son angle Jhesus.

Всего ближе къ разсказанному нами эпизоду, по завязкѣ и точкѣ отправленія, итальянская поэма о прекрасной Камиллѣ. И здѣсь причиной, которая заставляетъ дѣвушку бѣжать и скрываться въ образѣ мущины, является любовь отца, царя Amideo, который поклялся своей умиравшей женѣ, что онъ не возметъ себѣ въ жены никого, кто бы не былъ красивѣе ея, — а таковой оказалась его собственная дочь Камилла. И вотъ она бѣжитъ, принявъ имя Amadio и переодѣвшись мущиной; добирается, послѣ разныхъ приключеній, до страны, гдѣ властвовалъ царь Felice, дочь котораго, Cambrágia, влюбилась въ прекраснаго пришельца. Сыграна свадьба; въ брачную ночь Amadio сознается своей женѣ, что она — дѣвушка; это признаніе подслушано карликомъ и передано царю. Felice желаетъ самъ увѣриться въ справедливости доноса и велитъ своимъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ купаться; всѣ раздѣваются, одинъ Amadio не хочетъ послѣдовать общему примѣру; его начинаютъ раздѣвать насильно, когда появленіе львицы обращаетъ всѣхъ въ бѣгство. Amadio, напротивъ, ищетъ смерти и самъ идетъ на встрѣчу бѣшеному звѣрю, который отступаетъ передъ нимъ, заводитъ его въ лѣсную глушь — и здѣсь объявляетъ себя Божьимъ ангеломъ: Господь смиловался надъ бѣдствіемъ Камиллы, которая отнынѣ станетъ мущиной. Камилла-Amadio возвращается къ своимъ и можетъ безъ страха подвергнуться испытанію — купаньемъ.

Содержаніе этой поэмы, какъ большей части итальянскихъ cantari di piazza, по всей вѣроятности, французское; оно встрѣ-

тилось мнѣ въ одномъ французскомъ мираклѣ, который будетъ изданъ G. Paris'омъ и Raynaud. Пробѣжавъ его въ рукописи (Пар. нац. библ. № 820, f. 221 r. sqq), я сообщу вкратцѣ его содержаніе:

У одного короля нѣтъ наслѣдника; по молитвѣ его и королевы — послѣдняя забеременѣла. Мужъ отправляется къ святымъ мѣстамъ, чтобы возблагодарить Бога за оказанную ему милость; въ его отсутствіе королева разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой и умерла. Это повергло въ горе возвратившагося между тѣмъ короля. Когда, по прошествіи нѣкотораго времени вассаллы побуждаютъ его жениться, чтобы имѣть наслѣдника, онъ отвѣчаетъ:

Biaux seigneurs, mentir ne vous quier,
Sachiez, femme n'espouseray
Se telle n'est con vous diray
Que semblable soit a ma femme
Trespassee, dont Diex ait l'ame,
De maniere, de senz, de vis,
Car je li juray et plevis
Que ja femme n'espouseroie,
Ne ma compaigne n'en feroie
Se elle n'estoit de sa samblance,
De son sens et de sa vaillance;
Et se de telle savez point,
Mene m'avez jusqu'a ce point
Que la prendray.

Вассаллы принимаются искать; не найдя женщины, которая отвѣтила-бы требованіямъ короля, они указываютъ ему на его дочь: она всѣмъ похожа на его покойницу-жену. Король уступаетъ требованіямъ вассалловъ, хотя самъ говоритъ о бракѣ между отцемъ и дочерью, какъ о неслыханномъ. Онъ объявляетъ свое рѣшеніе дочери Ysabel. Та отговаривается, затѣмъ притворно соглашается, испросивъ срокъ для приготовленія, мѣсяцъ, либо два. Помолившись, она сообщаетъ обо всемъ своей воспитательницѣ (maistresse) Аннѣ, и обѣ рѣшились бѣжать тайкомъ,

переодѣтыя мущинами, взявъ съ собою одного конюшаго (escuier) для охраны. Въ лѣсу онъ сбивается съ дороги; но архангелъ Гавріилъ, посланный Богомъ, направляетъ его къ кораблю, который снаряжался въ Грецію, и самъ соглашается быть ихъ драгоманомъ, latinier. Обратившись къ хозяину корабля, онъ говоритъ ему:

Magister, bona requies
Sit vobis et bona dies!
Vultis vos mare transsire?
Cupimus Greciam ire.
Si per vos mare transimus,
Mercedem vobis dabimus
Competentem.

Такой-же эпизодъ съ корабельщикомъ нашелъ себѣ мѣсто и въ поэмѣ о Камиллѣ.

Приставъ къ берегу, Ysabel и ея спутники выдаютъ себя за sodoiers errans и поступаютъ на службу къ константинопольскому императору, который дѣлаетъ Yzabel маршаломъ своего войска. Они помогаютъ императору отбить нападеніе турецкаго царя, съ которымъ соединились короли «de Hongrie, de Tartres, de Cerces et de Arabes». Изабелла беретъ ихъ въ плѣнъ и по совѣту арх. Гавріила предлагаетъ ихъ въ даръ дочери императора, который, въ свою очередь, сулитъ побѣдителю половину своего царства — и руку царевны. Не смотря на отговоры Изабеллы, бракъ состоялся; наученная арх. Михаиломъ, она во всемъ открывается женѣ, но одинъ «religieux» подслушалъ, по желанію императора, разговоры новобрачныхъ и говоритъ, что Изабелла — женщина. Императоръ не вѣритъ.

Le Religieux
Chier sire, entendez a mes diz,
Ce que je dy vray trouverez,
Vezci comment l'appruverez:
Faittes en une chambre mettre
Vostre fille et avec elle estre

Une quantite de pucelles,
Quantes femmes damoiselles,
La les menez sanz deporter,
Puis y faictes de fruit porter
Qu'aval la chambre on jettera,
Et s'il est femme, il y courra
Et se penera d'en avoir.
Oultre encore pourrez savoir
S'il est femme par ceste voie:
Faites qu'avec femmes se voie
Estre tout seul priveement,
Et vous verrez certainement,
Se femme est, tout coy se tenra,
S'il est homme, a eulz se prenra
Et ne se tenra point en paiz
Qu'il ne les taste et pince mais.
Encore un tiers point vous diray
Et a tant je me cesseray:
Se tout nu sans riens espargnier
Avec vostre fille baignier
Le faites.

Купанье поставлено здѣсь въ ряду другихъ испытаній, назначенныхъ раскрыть полъ, — какъ въ сказаніи Славянской Палеи о Соломонѣ (мытье рукъ, подбираніе овощей) и въ народныхъ пѣсняхъ о дѣвушкѣ-воинѣ. Я имѣлъ, стало быть, право, припомнить послѣднія, разбирая эпизодъ о купаньѣ въ поэмѣ Пуччи[1]).

Императоръ избираетъ испытаніе — купаньемъ, но и здѣсь, какъ въ пѣснѣ о Камиллѣ ангелъ-львица, является на выручку бѣлый олень — архангелъ Михаилъ, за которымъ всѣ пускаются въ погоню, въ числѣ прочихъ и Изабелла. Въ лѣсу ангелъ-олень вѣщаетъ ей: пусть вернется и подвергнется испытанію, она всѣмъ покажется мущиной. Метаморфоза не происходитъ на самомъ дѣлѣ, она — только кажущаяся, и мотивированная этимъ развязка едва-ли не принадлежитъ автору ми-

[1]) l. c. p. 4—6; сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 348.

ракля: Изабелла разсказываетъ императору исторію своихъ приключеній, и онъ самъ женится на ней.

До сихъ поръ поводомъ къ переодѣванію и бѣгству дѣвушки являлась — *любовь отца къ своей дочери:* мотивъ вообще извѣстный въ средневѣковой сагѣ (Machorel въ Ортнитѣ, Ааронъ въ Oswald'ѣ), усвоенный и нѣкоторыми редакціями распространенной повѣсти о невинно преслѣдуемой красавицѣ (Mai und Beaflor, Des Reussenkönigs Tochter, des Büheler's Königstochter von Frankreich.—Roman de la Mannekine, Histoire de la belle Heleine de Constantinople.—St. Uliva, Figlia del re di Dazia, Pulzella d'Inghilterra и т. д.) [1]). Иную завязку представляетъ Reina d'Oriente Пуччи: у царицы востока не было дѣтей; она проситъ папу помолиться, чтобы у нея родился сынъ—наслѣдникъ. Вскорѣ она забеременѣла отъ мужа, который вслѣдъ за тѣмъ умираетъ, а у царицы родится не сынъ, а дочь. Повѣренная царицы, Берта, предвидѣвшая эту возможность, подмѣнила на первый разъ дѣвочку мальчикомъ, котораго и показываетъ баронамъ. Между тѣмъ царская дочь возростаетъ на сторонѣ, её одѣваютъ и воспитываютъ по мужски; когда ей минуло 15 лѣтъ, она возвращается ко двору, гдѣ прибытіе мнимаго царевича вызвало общую радость: онъ такъ разумно говоритъ, что всѣмъ на диво, владѣетъ оружіемъ и является на турнирахъ. Римскій императоръ шлетъ къ нему пословъ и предлагаетъ руку дочери. Мать и мнимый сынъ не знаютъ, какъ быть, но Берта совѣтуетъ не отказывать, предложеніе необходимо принять, а она съ своей стороны клянется уладить всё дѣло. По ея совѣту мнимый царевичъ открывается во всемъ женѣ, которую убѣждаетъ — быть ему сестрою. Такимъ образомъ тайна на первый разъ соблюдена, и молодые ѣдутъ домой. Прошло два года, когда Берта, оскорбленная рѣзкой выходкой мнимаго супруга, задумала от-

---

[1]) Сл. о такомъ-же мотивѣ въ народной литературѣ Archiv. für Slav. Philologie, II, p. 623—625 примѣчанія къ № 23 пересказанныхъ тамъ сербскихъ сказокъ.

мстить ему: спѣшитъ въ Римъ и всё разсказала императору; тотъ вызываетъ къ себѣ зятя и дочь подъ предлогомъ болѣзни, устраиваетъ охоту, по возвращеніи съ которой думаетъ предложить зятю — выкупаться при всѣхъ въ ваннѣ. Кто-то шепнулъ объ этомъ намѣреніи мнимому мужу; и вотъ, пока всѣ другіе охотятся, онъ, отставъ отъ другихъ, ищетъ, гдѣ-бы ему утопиться; не найдя воды, сходитъ съ коня и, водрузивъ въ землю мечъ, начинаетъ молиться, испрашивая у Бога смерти. Въ это время, не вѣсть откуда, взялся передъ нимъ олень, между его рогъ явился ангелъ и проговорилъ: Не печалься, царь, а тотчасъ возвратись въ городъ, потому что по милости Божіей ты сталъ мущиной. — Чудо совершилось надъ нимъ и, вернувшись домой, онъ могъ безъ страха принять ванну. На вопросъ императора, гдѣ онъ такъ долго скрывался, онъ отвѣчалъ, что Энохъ и Илья взяли его въ лѣсу и отнесли въ земной рай; тамъ Соломонъ сказалъ мнѣ, будто вамъ донесли, что я — женщина; я и вернулся, чтобы всѣхъ разувѣрить.

Я кончу перечень извѣстныхъ мнѣ средневѣковыхъ сказаній о «перемѣнѣ пола» разборомъ относящагося сюда эпизода французскаго романа о Tristan de Nanteuil [1]). Молодой Tristan живетъ въ лѣсу съ Blanchandine, дочерью армянскаго царя Galafre, съ которой прижилъ сына Raimon (женатаго впослѣдствіи на Parise la duchesse); оба попадаютъ въ плѣнъ къ Галафру; освобожденный изъ заключенія, Тристанъ освобождаетъ и Blanchandine'у, креститъ её и женится на ней по христіанскому обряду, а для того, чтобы уберечь её отъ преслѣдованій, одѣваетъ её рыцаремъ: отнынѣ она станетъ называться — Blanchandin. Въ нее-то, мнимаго мущину, влюбляется ея кузина Clarinde, дочь султана (soudan); Blanchandine старается избѣжать брака съ нею подъ предлогомъ, что Кларинда язычница; когда свадьба

---

[1]) Сл. P. Meyer, Notice sur le roman de Tristan de Nanteuil въ Jahrb. f. rom. und englische Literatur, IX B. p. 1—42, 353—398; сл. также пересказъ содержанія въ Hist. Littéraire de la France т. XXVI.

состоялась, она упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи — не сожительствовать съ Кларинды, пока она не крестится. Между тѣмъ какой-то сарацинъ, признавшій въ Blanchandine женщину, разсказываетъ о томъ Кларинды, которая, чтобы убѣдиться въ справедливости доноса, настаиваетъ на томъ, чтобы Blanchandine искупалась при всѣхъ. Ей предстоитъ быть открытой, когда является въ покояхъ олень и топчетъ всѣхъ Сарацинъ, какіе попались ему на пути. Пользуясь общимъ смятеніемъ, Blanchandine бѣжитъ въ лѣсъ, гдѣ передъ нею снова предсталъ олень и божій ангелъ спустился съ неба, вѣщая, что Господь рѣшилъ Blanchandine'у обратить въ мущину. Она соглашается, тѣмъ охотнѣе, что считаетъ Тристана убитымъ и желаетъ отмстить за его смерть. Возвратившись назадъ, она велитъ Кларинды креститься, а сама безбоязненно подвергается испытанію купаньемъ. У Кларинды и Blanchandin'а родится сынъ — св. Эгидій провансскій.

Сводя вмѣстѣ общее, представляемое приведенными выше разсказами въ эпизодѣ о перемѣнѣ пола, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Во всѣхъ пяти разсказахъ метаморфоза пола связана съ купаньемъ. Послѣднее всюду понято какъ испытаніе; авторъ миракля, мы видѣли, особенно развилъ эту точку зрѣнія, предложивъ, наровнѣ съ купаньемъ, и другія испытанія пола. Сравненіе съ нѣкоторыми восточными легендами сходнаго содержанія, которыя мы разберемъ далѣе, позволяетъ поставить вопросъ: не являлось-ли, въ первичномъ разсказѣ, измѣненіе пола прямымъ слѣдствіемъ купанья, которымъ и обусловливалась послѣдовавшая за тѣмъ метаморфоза?

2. Изъ пяти изводовъ того-же эпизода въ трехъ является на сценѣ олень-ангелъ, что указываетъ на черты какого-то общаго легендарнаго подлинника.

Интересно, какимъ образомъ авторъ Tristan de Nanteuil ввелъ въ свою поэму Эгидія, святаго греческаго происхожденія — по житію, неизвѣстному восточной церкви и рано пріуро-

ченному къ Провансу, — какъ самъ Эгидій привлеченъ былъ къ сагѣ о Карлѣ Великомъ [1]).

Привязывая это житіе, своеобразно измѣненное, къ эпизоду о «перемѣнѣ пола», авторъ Тристана обѣщаетъ разсказать повѣсть

> De sains et de saintes que Jhesus ot tant cher,
> Sy que ceste chançon en fait plus à priser:
> On la pourrait moult bien en un moustier prescher.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется легенда [2]) въ пересказѣ поэмы: Blanchandins завоевываетъ Грецію, въ которой велитъ проповѣдывать Христову вѣру; здѣсь родится Эгидій. Одинъ предатель, изъ новообращенныхъ сарацинъ, по имени Caudas, нападаетъ на замокъ Blanchandin'a, у него самого перебито плечо, тогда какъ Clarinde бросается въ лодку съ двухнедѣльнымъ ребенкомъ на рукахъ. Послѣ разныхъ приключеній она добирается до Кобленца, гдѣ открывается епископу. У него она поселяется вмѣстѣ съ сыномъ; будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, Эгидій запирался на цѣлый день, чтобы предаваться молитвѣ, и раздавалъ свое платье неимущимъ. Похоронивъ мать, побѣдоносно выдержавъ борьбу съ земною страстью (Марія, племянница епископа, предлагаетъ ему свою любовь), онъ поселяется отшельникомъ въ Провансѣ, землѣ своихъ отцовъ, которой владѣлъ тогда Карлъ Великій. Онъ питается травами и молокомъ лани, каждый день являющейся къ нему по повелѣнію Господа. Преслѣдуя эту лань Raymon, сынъ Blanchandine'ы и Тристана, добирается до жилища своего брата [3]); сюда-то присылаетъ за святымъ Карлъ Великій, чтобы покаяться ему въ своихъ грѣхахъ.

---

[1]) G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 378 sqq.

[2]) Сл. Acta sanctorum, Sept. I, 299—314.

[3]) Въ латинскомъ житіи этотъ эпизодъ о ланн разсказывается о царѣ Флавіи; въ старофранцузской легендѣ о st. Gire (XII в.), которая будетъ издана G. Paris'омъ, — о Floevant (= Flavius).

Соединеніе легенды о св. Эгидіи съ разсказомъ о Blanchandine-Blanchandin представляется чисто внѣшнимъ: *Raymond de Saint Gilles*, мужъ Parise la duchesse въ поэмѣ этого имени, сынъ Morant de Rivier въ Gaufrey [1]), либо Тристана de Nanteuil по генеалогіи нашего автора, могъ напомнить ему *Saint Gilles*— Эгидія, котораго онъ и сдѣлалъ своднымъ братомъ Raymond'a. — Въ легендахъ, привязавшихся къ имени Croissant, мы найдемъ такую-же попытку внѣшняго свода.

II.

Вѣрованіе въ возможность чудесной метаморфозы половъ распространено было на востокѣ и на западѣ. Сага о Ньялѣ говоритъ о мущинахъ, обращавшихся каждую девятую ночь въ женщинъ; наоборотъ, по вестфальскому народному повѣрью, дѣвушка, пробѣжавшая подъ радугой, становится мущиной [2]). Къ этимъ представленіямъ, которыя могли корениться въ народномъ, первичномъ повѣрьѣ, присоединились другія: однородныя повѣрья, пошедшія изъ классической древности; современные естественноисторическіе факты, физіологическія уродства, истолкованныя съ точки зрѣнія тѣхъ-же представленій [3]). Во всемъ этомъ инквизиціонная практика XVI—XVII вѣка почерпала готовый матеріалъ, потому что половая метаморфоза, т. е. то, что представлялось таковымъ, являлась дѣломъ нечистой силы. — Любопытная книжка Корнманна (1613 г.) соединила въ CXVI-й главѣ цѣлый рядъ свѣдѣній «de puellis virginibus in mares mutatis», начиная съ данныхъ, почерпнутыхъ у Гиппократа, Плинія и др., и кончая почти современными, въ родѣ слѣ-

---

[1]) Сл. Parise la duchesse, ed. Guessard et Larchey, Préface.

[2]) Hertz, Der Werwolf. p. 25—6, прим. 4.

[3]) Сл. E. Krause, Der Ursprung der Iphis-Dichtung und einige damit zusammenhängende morphogenetische Fragen (въ Kosmos I, 496 sqq.), цит. Liebrecht'омъ, Zur Volkskunde p. 507; сл. ib. p. 362.

дующаго: Cajetana muliercula viro piscatori nupta cum quo annos complures veneris res miscuerat, ut Antonius Panhormita, piscatoris amicus, referre adolescentibus solitus est, post quartum decimum annum e muliere in virum transiit.... aliud exemplum idem refert de Aemylia mutata in virum» [1]) и т. п.

Въ классической древности извѣстенъ былъ цѣлый рядъ подобныхъ метаморфозъ. Укажу на извѣстный миѳъ объ Ифисѣ у Овидія, Metamorph. IX, 665 sqq. [2]): въ городѣ Фестѣ, на Критѣ, жилъ когда-то мужъ, благороднаго происхожденія и замѣчательной честности, по имени Ligdus. Своей женѣ Telethusa'ѣ онъ приказалъ, буде она разрѣшится отъ бремени дѣвочкой, то умертвить её, коли мальчикомъ, то сохранить. Богиня Изида, явившись Телетузѣ въ сновидѣніи, посовѣтовала ей воспитать имѣющаго родиться ребенка, выдавъ его за мальчика: ему дали имя Iphis. Когда Iphis выросъ и возмужалъ, отецъ приводитъ ему въ невѣсты Janthe'у, дочь Телеста. Iphis и Janthe влюбляются другъ въ друга; мать перваго въ смущеніи — но снова является на помощь Изида и обращаетъ Ифиса въ юношу, дабы бракъ могъ состояться.

Тотъ-же разсказъ встрѣчается у Антонина Liberalis [3]), съ тѣмъ-же пріуроченіемъ къ Фесту на Критѣ, но иными именами: Лигду отвѣчаетъ Лампросъ, Телетузѣ — Галатея, Ифису — Левкиппъ, Изидѣ — Латона. По этому поводу сообщается нѣсколько другихъ указаній на греческія повѣрья о половой метаморфозѣ:

(Ἱστορεῖ Νίκανδρος ἑτεροιουμένων β'.) Γαλάτεια ἡ Εὐρυτίου τοῦ Σπάρτωνος ἐγήματο ἐν Φαίστῳ τῆς Κρήτης Λάμπρῳ τῷ Πανδίονος, ἀνδρὶ τὰ μὲν εἰς γένος εὖ ἔχοντι, βίου δὲ ἐνδεεῖ. οὗτος, ἐπειδὴ ἐγκύμων ἦν ἡ Γαλάτεια, ηὔξατο μὲν ἄρρενα γενέσθαι αὐτῷ παῖδα, προη-

[1]) Enucleatae quaestiones complectentes perjucundum ac plane novum tractatum de Virginum statu ac jure etc. auctore Heinrico Kornmanno. Jenae, typis Weidnerianis sumptibus Philippi Wagneri, anno 1613.

[2]) Cf. Lactantii Placidi Argumenta Metamorphoseon Ovidii c. XCII.

[3]) Μυθόγραφοι, ed. A. Westermann p. 217—218.

γόρευσε δὲ τῇ γυναικί, ἐὰν γεννήσῃ κόρην, ἀφανίσαι. καὶ οὗτος μὲν ἀπιὼν ἐποίμαινε τὰ πρόβατα, τῇ δε Γαλατείᾳ θυγάτηρ ἐγένετο. καὶ κατοικτείρασα τὸ βρέφος καὶ τὴν ἐρημίαν τοῦ οἴκου λογισαμένη, συλλαμβανόντων δ'ἔτι καὶ τῶν ὀνείρων τῶν μάντεων, οἳ προηγόρευον τὴν κόρην ὡς κόρον ἐκτρέφειν, ἐψεύσατο τὸν Λάμπρον ἄρρεν λέγουσα τεκεῖν, καὶ ἐξέτρεφεν ὡς παῖδα κοῦρον, ὀνομάσασα Λευκίππον. ἐπεὶ δὲ ηὔξετο ἡ κόρη καὶ ἐγένετο ἄφατόν τι κάλλος, δείσασα τὸν Λάμπρον ἡ Γαλάτεια, ὡς οὐκ ἐνῆν ἔτι λαθεῖν, κατέφυγεν εἰς τὸ τῆς Λητοῦς ἱερὸν καὶ πλεῖστα τὴν θεὸν ἱκέτευσεν, εἴ πως αὐτῇ κόρος ἡ παῖς ἀντὶ τῆς θυγατρὸς δύναιτο γενέσθαι, καθάπερ ὅτε Καινὶς μὲν Ἄτρακος οὖσα θυγάτηρ βουλῇ Ποσειδῶνος ἐγένετο Καινεὺς ὁ Λαπίθης, Τειρεσίας δὲ γυνὴ μὲν ἐξ ἀνδρός, ὅτι τοὺς ἐν τῇ τριόδῳ μιγνυμένους ὄφεις ἐντυχὼν ἀπέκτεινεν, ἐκ δὲ γυναικὸς αὖτις ἀνὴρ ἐγένετο* διὰ τὸ δράκοντα πολλάκις πάνακτα δε* καὶ Ὑπερμήστραν πιπρασκομένην ἐπὶ γυναικὶ μὲν ἄρασθαι τίμον, ἄνδρα δὲ γενομένην Αἴθωνι τροφὴν ἀποφέρειν τῷ πατρὶ, μεταβαλεῖν δὲ καὶ τὸν Κρῆτα Σιπροίτην, ὅτι κυνιγετῶν λουομένην ἴδε τὴν Ἄρτεμιν. ἡ δὲ Λητὼ συνεχῶς ὀδυρομένην καὶ ἱκετεύουσαν ᾤκτειρε τὴν Γαλάτειαν καὶ μετέβαλε τὴν φύσιν τῆς παιδὸς εἰς κόρον. ταύτης ἔτι μέμνηνται τῆς μεταβολῆς Φαίστιοι καὶ θύουσι Φυτίῃ Λητοΐ, ἥτις ἔφυσε μήδεα τῇ κόρῃ, καὶ τὴν ἑορτὴν Ἐκδύσια καλοῦσιν, ἐπεὶ τὸν πέπλον ἡ παῖς ἐξέδυ. νόμιμον δὲστὶν ἐν τοῖς γάμοις πρότερον παρακλίνασθαι παρὰ τὸ ἄγαλμα τοῦ Λευκίππου.

Подобнаго рода греческія сказанія (о Тирезіи и Кенеѣ), сообщаетъ, въ связи съ другими свѣдѣніями объ андрогинахъ, Phlegon Trallianus [1]); но и приведенныя нами, разумѣется, не исчерпывающія предметъ, предлагаютъ параллели къ соотвѣтствующимъ преданіямъ востока и запада. По отношенію къ послѣднимъ интереснымъ представляется критскій обрядъ ἐκδύσια; не сохранилась-ли здѣсь память объ испытаніи пола? Что желаніе отца имѣть сына, а не дочь, является для матери побужденіемъ скрыть полъ новорожденной — эта черта

[1]) Παραδοξόγραφοι ed. Westermann, p. 131—136 § IV—X.

встрѣтится намъ въ восточныхъ легендахъ, какъ и двоякая метаморфоза (изъ мущины въ женщину и обратно), приписанная Тирезію [1]) — и герою современной греческой сказки. Бѣдиякъ, играя на цитрѣ, обращенъ въ женщину проклятіемъ нереиды; онъ спасаетъ отъ седмиглаваго дракона царевну, выставленную ему на пожраніе, но отказывается отъ ея руки. Получивъ отъ нея и ея отца коня-молнію, онъ переносится въ другой городъ, царь котораго сулитъ руку своей дочери тому, кто перескочитъ черезъ извѣстный ровъ. Конь-молнія уноситъ героя такъ далеко, что его не догнали люди, за нимъ посланные; но при вторичной скачкѣ онъ попадаетъ въ разставленныя тенета и принужденъ жениться на царевнѣ. Когда черезъ недѣлю молодая говоритъ отцу, что она выдана за женщину, царь пытается отдѣлаться отъ страннаго зятя, посылая его на трудные подвиги. Третій подвигъ слѣдующій: герой долженъ добыть яблоко, которое подбрасываетъ кверху и ловитъ на лету мавръ-великанъ. Это удается герою при помощи коня-молніи; не успѣвъ задержать его, мавръ кричитъ ему въ слѣдъ: коли ты мущина, обратись въ женщину, коли женщина — стань мущиной. И желанная метаморфоза совершается [2]).

Богатое развитіе получила легенда о половой метаморфозѣ въ сказаніяхъ востока, которыми я пользуюсь главнымъ образомъ въ пересказахъ Бенфея [3]).

Въ разсказѣ такъ называемой южной Панчатантры, который

---

[1]) Миѳъ о немъ разсказанъ кромѣ того у Аполлодора l. III, c. 6, 7; Фулгенція l. II, c. 8; Hyginus Fab. LXXV; Lact. Plac. c. XVII. — По Птоломею Гефестіону lib. I Тирезій семь разъ подвергся превращенію и у Критянъ считался дочерью Форбанта.

[2]) Hahn, Griechische und albanesische Märchen № 58.

[3]) Benfey, Pantschatantra I, § 9. Сл. Weber, Ueber eine Episode im Jaimini-Bhârata, въ Monatsberichte d. k. preuss. Akademie d. W. Jan. 1869, стр. 39.— Сл. Baitál Pachisi oder 25 Erzählungen eines Dämons, in deutscher Bearbeitung etc. von H. Oesterley, № 14 и тамъ же литературу разсказа; Mélanges asiatiques 1876, 12/24 Oct. p. 164—171. Покойный акад. Шифнеръ сообщилъ мнѣ еще нѣсколько другихъ указаній на восточные (тибетскіе) пересказы легенды о половой метаморфозѣ.

мы приводимъ, воспроизведена, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, легенда Махабгараты. Царь Anga-deça желалъ-бы имѣть сына, а царица производитъ на свѣтъ однѣхъ дочерей. Онъ готовъ развестись съ ней, но министръ совѣтуетъ ему обождать — результатовъ ея беременности. Царица снова родила дочь, а министръ объявляетъ, что родился сынъ, и что ни отецъ, ни кто другой не увидитъ его, пока онъ не женится. Мнимый сынъ воспитывается у министра; когда онъ былъ на возрастѣ, министръ идетъ войною на царя Паталипутры и заставляетъ его отдать руку своей дочери — мнимому царевичу, т. е. царевнѣ. Въ неё влюбился между тѣмъ ракшаса, жившій неподалеку отъ ея дома; онъ открывается въ своей страсти министру, который въ свою очередь разсказываетъ ему о затрудненіи, въ которое ставитъ его полъ царевны — въ виду ожидаемаго брака. Влюбленный ракшаса готовъ помѣняться съ ней поломъ на нѣсколько дней, пока состоится свадьба. Бракъ совершается безпрепятственно; но когда министръ снова является къ ракшасѣ, чтобы предложить ему, по условію, обратный обмѣнъ половъ, для того это оказывается уже невозможнымъ — и онъ предпочитаетъ остаться женщиной.

Особыми чертами отличается легенда о метаморфозѣ въ нѣкоторыхъ отраженіяхъ индійскаго Siddhapati. Перемѣна пола происходитъ двоякая, притомъ, согласно съ характеромъ сборника, первая метаморфоза совершается надъ мущиной, царевичемъ, который, напившись изъ чудодѣйственнаго источника, обращается въ женщину. Такъ въ Семи Визиряхъ, въ Сандабарѣ, въ Синтипѣ. Въ послѣднемъ обратное превращеніе мотивировано, какъ въ разсказѣ южной Панчатантры: садовникъ, какъ тамъ ракшаса, мѣняется поломъ съ превращеннымъ принцемъ, которому предстоитъ бракъ. Въ Сандабарѣ и Семи Визиряхъ эта вторичная метаморфоза объясняется иначе: превращенный въ женщину царевичъ напивается изъ другаго чуднаго источника и снова становится мущиной. Бенфей считаетъ этотъ послѣдній мотивъ позднѣйшимъ, ставя его въ зависимость отъ

сказочнаго представленія, по которому одинъ и тотъ-же предметъ, та-же стихія, иначе дифференцированная, можетъ вызвать противоположныя дѣйствія [1]). Самое представленіе о вліяніи питья на половую метаморфозу представляется Бенфею переднеазіатскимъ; распространеніемъ въ Европѣ цикла Siddhapati онъ склоненъ объяснить появленіе въ европейскихъ преданіяхъ того-же сюжета. Если это вѣроятно для эпизода о превращающихъ источникахъ въ Orlando innamorato Боярда, то другіе, родственные факты, едва-ли не требуютъ инаго, мѣстнаго объясненія. Я припоминаю по этому поводу распространенную сказку о сестрѣ и братѣ, напившемся изъ заколдованнаго источника и обратившемся въ серну, овечку и т. п. [2]). Индійскія сказанія, на сколько они стали извѣстны Бенфею, не знаютъ метаморфозы вслѣдствіе питья, и, наоборотъ, разсказываютъ о превращеніи пола, какъ результатѣ купанья: мотивъ, лежащій, быть можетъ, въ основѣ разобранныхъ выше европейскихъ легендъ о Croissant, Камиллѣ и др.

Доискиваясь религіозной идеи, обусловившей появленіе индійскихъ повѣстей о половой метаморфозѣ, Бенфей обращается къ анализу Пуранъ, который я передамъ въ извлеченіи.

Вишну-пурана разсказываетъ о Ману, что, не имѣя дѣтей, онъ принесъ жертву Митрѣ и Варунѣ, прося даровать ему дѣтей мужскаго пола, но при жертвоприношеніи произошла неправильность, слѣдствіемъ которой было то, что родился не сынъ, а дочь — *Idâ*. По милости боговъ она обращается потомъ въ мущину, по имени Sudyumna, и снова въ женщину, вслѣдствіе проклятія Сивы. Въ этомъ видѣ она забеременѣла отъ Budha'ы, *сына мѣсяца*, и родитъ сына *Purûravas;* наконецъ, по молитвѣ одного риши, Вишну во второй разъ превращаетъ её въ мущину, въ Судъюмну.

Разсказъ Matsja-purana'ы отличается тѣмъ, что у Ману прямо родится сынъ *Ida*, котораго отецъ дѣлаетъ властителемъ

[1]) Сл., впрочемъ, сказаніе о Тирезіи.

[2]) Сл. Аѳанасьева, Нар. русск. сказки № 146 и прим.

семи острововъ (т. е. свѣта). Объѣзжая свои владѣнія, Ида зашелъ однажды въ лѣсъ Сивы, гдѣ когда-то мудрецы потревожили въ неурочное время супругу Сивы, Парвати, вслѣдствіе чего богъ заклялъ этотъ лѣсъ тикъ, чтобы всякій мущина, который въ него вступитъ, обращался въ женщину. Это случается и съ Идой: изъ *Ida* онъ становится женщиной, *Idâ*, а впослѣдствіи, по принесеніи жертвы однимъ изъ ея братьевъ, двойственнымъ существомъ (kimpurusha), являющимся поперемѣнно, въ теченіи мѣсяца, то женщиной, то мущиной. — Сива-пурана приписываетъ послѣднее превращеніе, и также вслѣдствіе проклятія Парвати, Purûravas'у, сыну Idâ'ы.

Vaju-purana согласна съ Вишну-пураной относительно рожденія дочери *Idâ'ы* и ея перваго превращенія въ *Ida'у* или Судъюмну; въ слѣдующихъ подробностяхъ съ Matsja-purana'ой, за исключеніемъ той черты, что герой въ извѣстные сроки мѣняетъ свой полъ. Послѣдняя подробность встрѣчается въ редакціи Bhâgavata-purana'ы, въ которой замѣчаются еще слѣдующія отличія: когда Ману приноситъ жертву съ цѣлью испросить себѣ сына, его жена молитъ въ тоже время жреца Васишту о дарованіи ей дочери, вслѣдствіе чего послѣдній неправильно произноситъ слово vashat, — и родится дочь. По молитвѣ Васишты Hari обращаетъ её въ героя Судъюмну; дальнѣйшія метаморфозы какъ въ Matsja-purana'ѣ: Судъюмна попадаетъ въ лѣсъ Sukumara, гдѣ покоится Сива съ своей супругой; становится женщиной. его жеребецъ — кобылой и т. д.

Приведенныя легенды пуранъ Бенфей склоненъ объяснить древнимъ индоевропейскимъ вѣрованіемъ въ андрогинническія божества. Ближе представляется связь половаго превращенія, особливо въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ оно совершается поперемѣнно, отъ одного мѣсяца къ другому, съ олицетвореніемъ лунныхъ фазъ, смѣна которыхъ могла быть выражена въ формахъ очередной половой метаморфозы. Въ самомъ дѣлѣ: Idâ-Ida родитъ отъ Budha'ы сына Purûravas'а; подъ *Будой* или Буддой разумѣли планету Меркурій, либо его правителя и, вмѣстѣ, *сына*

Soma'ы, мѣсяца; подъ его сыномъ Puŕûravas — втораго царя *лунной династіи.*

Внося это толкованіе въ легенду о Croissant мы дѣлаемъ это съ большимъ сомнѣніемъ — не относительно восточнаго происхожденія легенды, которое представляется мнѣ вѣроятнымъ: сомнѣніе возбуждаетъ, при нашей гипотезѣ, большая сохранность представленій и образовъ. Какъ у Ida-Idâ сынъ Пурураваcъ, мужъ — Budha, и тотъ и другой обличающіе отношеніе къ лунѣ, такъ во французской легендѣ у Ydée-Ydes родится сынъ Croissant, и имя ему дано отъ — *новаго мѣсяца* [1]), который увидѣли въ небѣ въ пору его рожденія:

Nouviaux tens est, le croissant ont vëu,
. . . . . .
Au baptizier lor en est souvenu:
Croissant ot non, pour chou qu'il l'ont vëu.

Замѣтимъ кстати что въ одномъ изъ итальянскихъ текстовъ Семи мудрецовъ «*tour Croissant*» французскаго текста передано словами: *Torre della luna* [2]).

III.

Что далѣе сообщается объ этомъ Croissant въ туринскомъ Продолженіи къ Huon de Bordeaux, обличаетъ пріуроченіе восточнаго разсказа къ мѣстнымъ римскимъ преданіямъ. Соединеніе того и другаго могло быть обусловлено — тождествомъ имени дѣйствующаго лица.

---

[1]) Сл. Henschel-Ducange: croisant съ ссылкой на Partenop. de Blois (Soleil et lune et ans et jors — Et les croisans et les decors). — Littré: il fist la lune en ses tens, en croissant et en decors, Psautier f. 124.— Къ этимъ цитатамъ можно присоединить и Brunetto Latini, Livr. dou Tresor, ed. Chabaille p. 137: lors apert li croissans à nostre vëue; Les joies nostre Dame (ed. Reinsch, Zs. f. rom. Phil. III, p. 216, v. 403—4: Et la lune qui fait son curs — E sun cressant e sun decurs.

[2]) Il libro dei sette Savj di Roma ed. D'Ancona p. 27.

Ydée, отправляясь, вмѣстѣ съ женой, навѣстить отца своего, Florent, отдаетъ сыну Croissant, всё свое достояніе

f. 395 v. c. 1 Et le trezor qui au roi Oton fu,

завѣщая ему — быть щедрымъ, потому что щедрость привлечетъ къ нему людей. И Croissans слѣдуетъ этому наставленію: поселился посрединѣ города, угощаетъ и одаряетъ всѣхъ, такъ что имъ не нахвалятся; одинъ только мудрый человѣкъ пророчитъ ему:

f. 395 v. c. 2 Il donra tant, quil demourra caitis
Se ne li rent li rois de paradis.

И дѣйствительно: по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Croissans роздалъ всё, что имѣлъ, сталъ бѣднякомъ; друзья его оставили, и въ то время, какъ онъ одинъ выкрадывается изъ Рима, горожане передаютъ городъ Guimart'y, посланнику короля Дезидерія и владѣтелю Spoleto (Ispolite). — Croissans скитается, продалъ своего коня;

f. 396 r. c. 1 El tans d'iver, que par tout fu negiet,
En une ville u il couroit marcies
Entra Croissans apres soleil couciet,
Oit le pestel c'on hurtoit au mortier,
Li compaignon atournent a mengier;
Et Croissans s'est cele part adrecies.
Li compaignon li dient: «Bien vignies,
Vous plairoit il huemais a herbergier?»
— «Oïl, dist-il, j'en ai mult grant mestier».
Li huis sont clos, s'assieent au mengier,
Croissant ont mult festoiet cil houlier,
Mult bel samblant li font au commencier;
Si longement ont li ribaut mengie
Que toute gent furent ale coucier,
A Croissant ont trestous ses dias prisies,
La nape osterent, s'ont de vin .I. sestier,
De sor la table le portent pour tencier,
A Croissant dient: «Biax dous amis, paies

Cascuns de nous doit .XL. deniers».
Li autre dient: «Encore les laissier,
Nos escos doit que as des soit paies».
A ces paroles ont mult de des sacies.
L'oste apella Croissant, li s'est drecies,
Les des dessert, s'a tout l'escot paiiet,
Et li ribaut l'en ont mult merchiiet.
.I. poi apres que furent asegiet,
Ne lor sist pas qu'en alast si entiers,
Car tous ses dras avoient convoities;
Desus la table espandent le vin vies,
Puis i refu aportes un(s) sestiers.
«Met cha .III. des, ribaus, ce dist Rogiers,
Et cils valles jetera tout premiers».
— «Deportez m'ent», dist Croissans li legiers. —
«Biax dous compains, dist Guilebers li fiers,
Il est ensi, vous jeteres premiers,
Ne vous doutes, n'i seres empiries».
Croissans jeta, ce fu ses grans mescies:
f. 396 r. c. 2 Quato(r)ze poins li ont trestout jugiet.
Apres a dit qu'il voelt estre coucies.
«Vous pa(i)eres anchois, ce dist Rogiers,
Despouillies vous et paies volentiers».
Croissans a dit: «Seignor, ne me toucies,
Je finerai, puis que vous le jugies».
Adont a tous les siens dras despoullies.
«Seignour, dist-il, vers moi faites pecie,
Je cuidoie estre a nuit bien herbergies».
Dist Guilebers: «Fix a putain, loudiers,
Vous nous laires et cauces et cauciers».
Adont li ont vilainnement sacies,
Fors de l'ostel l'ont mis li pautonnier.
Cele nuit fu dolans et courouchies,
En une escrienne est li caitis mucies,
Au demain est vers Romme repairies
Tant qu'il ara ses amis essaies.
Ore a Croissans par le pais ale,
S'il voelt mengier, pour Diu l'a demande,
Si gentis hom a trop grant poverte.
Quant vint a Romme, on li a tant conte

Qu'empereour avoient estore.
«Tu as perdu ton fief et t'irete,
Se t'emporoles, t'aras le cief cope».
— «Las, dist Croissans, com jou ai mal ouvre
Et mon avoir folement assene!
E! rois de gloire, aiies de moi pite
Et si m'aidies par la vostre bonte
Qu'encore raie Romme la grant cite!» —
En .I. fourbourc s'est Croissans arrestes,
As povres gens a errant demande
De chou qu'il viut, et on li a conte.
Font li enfant: «U aves vous este?»
Croissans respont: «En grant caitivete».
Parmi la ville ont l'un l'autre conte
Que Croissans est ribaus estrumeles;
Cascuns li a son ostel refuze.
Li empereres a tout chou escoute
Que Croissans est drois hoirs de la cite,
Et non pourquant ne li a riens donne.
Quaresmes fu, que les gens ont june,
Croissans ala tout droit en .I. fosse,
Foing i avoit, tant en a assamble,
Asses en ot de pain pour lui disner,
Mais l'endemain n'a de coi desjuner.
f. 396 v. c. 1 Jours fu de paske, au moustier est ales,
Son salveour a rechiut et uze,
Mais n'ot apres nulle riens que disner;
Honte a Croissans, nen oze demander,
Pour le haut jour s'en voloit deporte(r),
Maint gens l'ont a cel jour esgarde
Qui sunt du sien en grant avoir monte,
Mais ils ne l'ont de noient conforte.
Sor .I. perron par devant .I. ostel
S'assist Croissans, s'a tenrement ploure,
Viandes voit et vin laiens porter,
Le bourgois a hautement escrie:
«Pour l'amour Diu donnes moi a disner».
Li bourgois l'ot, prist soi a ramembrer,
.I. caudron d'iauve li fist aval jeter.
Croissans s'en va, s'a tenrement ploure;

En .I. palais de vielle antiquite
(Grant tans avoit c'om n'i avoit este,
Gastes estoit, crentes i ot plente),
En .I. escons la est Croissans entres,
Grant duel mena, car trop avoit june,
Iluec atent tant qu'il fu avespre.
Du grant castel l'a on bien esgarde,
Li rois Guimars n'a pas dit son pense,
Il dist en bas coiement a cele:
«Si m'aït Dix, merveille ai esgarde
De cel ribaut dont on a tant parle
Qui ensi a si grant avoir donne,
Et cils bourgois l'ont a hui ramprosne.
Ne mengerai, s'arai a lui parle:
J'ai recĕu le roi de maiste,
Ne doi avoir homme deshirete».
Dont a Guimars tout son cor(s) desguize,
.I. pain a pris et avoec .I. paste,
Vint a Croissant (que) nus la esgarde,
Si l'a dormant en la crente trouve,
Et dales lui avoit mult grant clarte.
Dont a mis jus le pain et le paste
De sus Croissant a la houce jete.
A icel mot a sor destre esgarde,
Voit .I. celier ouvert et desferme
Et .I. trezor, ainns mais hom ne vit tel,
Letre i avoit, qui bien a devise
Que c'est Croissant qui la est endines
Et qu'autres hon nel doit d'iluec oster.

f. 396 v. c. 2 Li rois Guimars a resgarder s'en prist
Pour le celier qu'il a vĕu ouvrir,
De le clarte s'en est tous esbahis
Que li ors jete, qui forment resplendist;
Si grant tresor onques mais hom ne vit.
Prendre en cuida, mais lui fu contredis:
Doi serjant sunt par devant lui sali,
Cascuns avoit .I. blanc hauberc vesti
Et en sa main le branc d'acier fourbi;
Dient au roi: «Ales vous ent de chi,

Ou autrement ja seres mal baillis».
Et dist li rois: «Seignor, pour Diu merchi,
Rois sui de Romme, si doit tout estre a mi»
Dist li serjans: «Il n'ira mie ensi,
Ains l'iert Croissans au gent cors seignori;
Mais pour itant que tu venis ichi
Ces .III. besans emporteras o ti
Dont tu seras durement esjois:
Done ta fille au baron posteis.

Li rois Guimars a ces mos escoutes,
Grant merveille a de chou c'a escoute,
Et de l'avoir qui fu la amasses,
En .XXX. mons fu bien amonceles;
Si grans avoirs u puet estre trouves?
Dist as serjans: «Seignour, or m'escoutes:
Pour l'amour Diu, est cis tresors faes?»
«Nenil, font il, mais il est conjures,
A Croissant est, chou est la verites.
Bien vous dirons comment vous le sares:
Es .III. besans o vous emporteres,
Les povres gens au castel manderes,
.I. seul besant cascun povre donres,
Ces .III. besans en .III. lius jeteres».

Quant la parole oit Guimars li vaillans,
Q'il jeteroit en .III. lix les besans,
«Seignour, dist-il, ils valent d'avoir tant,
Se jou les perch, mult en serai dolans».
«Nenil, font il, mal en seres doutans,
Avoec les povres, u vous verres Croissant,
Les jeteres, ne le laissies noient,
Ne nus fors il nes trouvera noient.
S'il est prodom, tu les raras esrant,
A toi venra quanqu'il porra courant,
Par chou saras, que c'estera Croissans:
Fai le honorer tost et isnelement [1])

[1]) Слѣдующіе въ рукописи стихи написаны на полулистѣ безъ пагинаціи, отъ котораго отрѣзана вдоль часть, отвѣчающая 2-му столбцу лиц. и 1-му обор. Verso этого полулиста начинается со стиха: Si m'aït Dix.

Et mariaze fai tost de ton enfant,
Se li rent Romme et tout son chasement».
Et dist li rois: «Je ferai vo commant».
Atant s'en tourne, et cil vont l'uis fermant,
Dedens sa main emporte les besans,
Dusc'au palais ne fist arrestement,
Il voit sa gent, si lor va commandant,
Pour la donnee les ala mult coitant,
Que venir facent toute la povre gent,
Si lor donra .I. denier bonement.
Par le marciet le va uns mes criant.
Croissans li enfes a ichou escoute
C'on donra ja .I. denier monnaie,
Il dist en bas, nus ne l'a escoute,
Que la ira, n'i ara demoure,
Vers le palais a son cemin tourne.
Li rois Guimars l'a mult bien avize
Et povre gent a vĕu a plente,
.I. des besans a a terre jete;
Croissans le vit, si l'a mult esgarde,
Il s'abaissa, en sa main l'a combre,
As gens le monstre, dont fu avironnes:
«Ves c'ai trouve pour Jhesu nostre De».
Cascuns l'esgarde et l'a mult goulouze.
«Dix, dist Croissans, con sui malĕures,
Quant jou n'ai riens en chou que j'ai trouve:
Se fust argens, il me fust demoures,
Puis que c'est ors, je l'averoie emble,
Se ou seignour ne l'avoie porte;
N'arresterai, si i arai este».
Li rois Guimars l'a tousjours esgarde
Pour le besant que de terre ot leve;
.I. poi avant en a Croissans ale,
L'autre besant a li enfes trouve.
Il vint au roi, se li a presente:
«Sire, fait il, pour Diu de maiste,
Ves .III. besans que vous ai aportes,
Si m'aït Dix, jou n'en ai plus trouve.
Il sont a vous, bien en sai la verte,
Puis que vous estes sire de la chite».

Li rois l'antent, s'a Croissant accolle:
«Amis, dist-il, Dix te croisse bonte,
Car jou voi bien, tu aimmes loiaute;
Chou que t'as fait te sera bien moustre».
Les millours dras de Romme la cite
Ont a Croissant maintenant accate,
Quant l'ont vestu, mult fu biax bacelers.

Царь сосваталъ за него свою дочь, обѣщаетъ отдать ему Римъ; однажды ночью онъ отправляется съ нимъ вдвоемъ къ развалинамъ дворца, гдѣ видѣлъ кладъ; проситъ Croissant:

f. 397 r. 1 c. «Biaux fiex, dist-il, demandes qui est la,
Car aucun bien, se Die[x] plaist, vous verra
Dont vostre honnors, se Dieu[s] plaist, croistera».
Li damoisiaus hautement s'escria:
«Diex, secour moi, se chaiens nullui a
Qui puist parler, si se traie a moi cha».
A ices mos .I. vois s'escria:
«Ves la Croissant c'atendons grant piech'a,
Car li rendons l'avoirs que siens sera».
L'uis ont ouvert, cascuns d'iaus l'enclina;
Li damoisiaus le tresor esgarda
Qui tant est grans, grant joie demena,
Les besans d'or voit iteus con trouva,
Bien les connuit et au roi les moustra.
Guimars respont que nule riens n'i a
Fors que s'il plaist Croissant li l'en donra.
Li bers respont, qui ains ne fu escharz,
Ja plus du roi .I. seul besant n'ara.

Онъ женится на царской дочери и становится впослѣдствіи императоромъ; такъ снова онъ добылъ свое царство.

Вся исторія о кладѣ, хранимомъ невѣдомой силой для его настоящаго обладателя, разсказана хроникеромъ XIV вѣка, Jacopo d'Acqui, безъ мотивовъ и собственныхъ именъ, но въ пріуроченіи къ римской мѣстности и къ происхожденію рода Colonna. Jacopo почерпнулъ её изъ «quadam cronica». — «Non inveni millesimum nec aliquod bene certum nisi ut infra scribi-

tur. Dicitur enim quod in illo tempore fuit in Roma quidam ferrarius qui habebat unam vacham que omni die mane per se ibi ad pascum et sero domum revertebatur sola. Miratur ferrarius de via istius vache quid facit, insequitur eam et observat quo vadit. Et invenit quod intrat quamdam magnam testitudinem obscuram cujusdam maxime *ruine murorum*. Vadit ferrarius ulterius et invenit vacca quemdam magnum foramen et genibus flexis intrat vacha, et invenit quemdam pratum sicut esset claustrum et ibi comedit vacha. Intrat ferrarius ibi curiose, querit et invenit quoddam edificium et in medio edificii erat quedam columpna lapidea et supra columpnam vas de ere plenum maxima pecunia. Vult ferrarius accipere de ista pecunia et audit vocem sibi dicentem: Dimitte, dimitte, quia non est tua. Iterum temptat accipere et sic usque tertio. In tertia vice dicitur sibi: *Accipe tres denarios* et invenies in foro cujus est hec pecunia. Accepit ferrarius tres denarios et projecit in foro hinc inde. Et ecce quidam *pauper juvenis despectus* invenit unum et accepit, et invenit duos, invenit tertium. Et ferrarius illum domum suum introduxit, a sordibus mundavit, induit et filiam suam in uxorem dedit. Iste juvenis de illa multos filios generavit, de pecunia vero predicta multas possessiones acquisivit, et in brevi tempore crevit in Roma in populum et fecit arenam suam una columpna intus et vocavit se cum sequacibus suis dominus O. de Collumpna de facto predicto. Aliam certitudinem nisi predictam inveni [1]).

Если въ этомъ римскомъ преданіи поставить имя Croissant вмѣсто безъименнаго pauper juvenis despectus, царя Guimars вмѣсто ferrarius, то сходство между двумя разсказами о кладѣ окажется полное. Легенда о Колоннахъ оставляетъ открытымъ вопросъ — почему тотъ кладъ предназначенъ именно для бѣдняка; иначе въ повѣсти о Croissant: это и есть то сокровище, которое онъ самъ раздарилъ, которое собрано и хранится для него

[1]) Historiae patriae monumenta ed. jussu Regis Caroli Alberti, Scriptorum III: Chronicon imaginis mundi p. 1603—4.

невѣдомой силой въ развалинахъ стараго дворца; въ этой связи я понимаю и черту, что три бизанта, взятые оттуда царемъ Guimart'омъ, снова туда возвращаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ это — *сокровище* дѣда Croissant, римскаго *императора Октавьяна*. О немъ нерѣдко говорится во французскомъ эпосѣ — и во французскихъ редакціяхъ Семи мудрецовъ въ пересказѣ извѣстной повѣсти о ловкомъ ворѣ (gaza): императоръ *Октавьянъ* хранитъ свою казну — въ tour *Croissant*, Cressant [1]). Извѣстно одно изъ средневѣковыхъ названій Castel Sant' Angelo, древней moles Hadriani: *castellum, castrum, turris Crescentis* или *Crescentii; tour, palais Croissant* и т. п. [2]); Castellum Crescens у Gualterus Mapes (De Nugis Curialium Dist. IV, c. 11) въ разсказѣ о папѣ Гербертѣ; о немъ поминаетъ древняя французская chanson de geste о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь: любуясь дворцемъ константинопольскаго императора Карлъ говоритъ:

> Seignurs, dist Carles, mult gent palais a ci:
> Tel n'en out Alixandre ne li vielz Costantins,
> *N'en out Crisans de Rome qui tans honurs bastid* [3]).

Названіе башни, замка Кресценція начинаетъ встрѣчаться съ конца X вѣка, и уже давно предположена была связь этого названія съ римскимъ, кореннымъ родомъ *Кресценціевъ*, игравшимъ такую видную роль въ судьбахъ Рима именно десятаго столѣтія: извѣстенъ Кресценцій de Theodora, возбудившій въ 974 г. возстаніе противъ Бенедикта VI; Іоаннъ Кресценцій (можетъ быть, сынъ предъидущаго), казненный на стѣнахъ Castel St. Angelo въ 998 году, палъ защищая интересы народной партіи противъ папства и имперіи; Pulcher in aspectu dominus

---

[1]) Keller, Li romans des sept Sages p. 111 sqq.; G. Paris, Deux redactions du roman de sept Sages p. 34 sqq.

[2]) Massmann, Kaiserchronik III, 897—8; Müllenhoff, Zur deutschen Heldensage, Zs. f. deutsch. Alterth. XII, № XXI, p. 319 sqq Сл. Destruction de Rome ed. Groeber (Romania № 5) vv. 520 и 579.

[3]) Charlemagne ed. Fr. Michel p. 15 v. 365—7.

Crescentius et dux — *Inclyta progenies quem peperit sobolem*, говорила его эпитафія, и народная память объ его исторической роли могла выразиться въ легендѣ, подобной легендѣ о Croissant, потомкѣ римскихъ императоровъ, которому противополагается лонгобардъ Guimars. Что въ основѣ послѣдней могла лежать какая нибудь генеалогическая сказка — на это указываетъ аналогія преданія о происхожденіи рода Колоннъ.

Рядомъ съ названіемъ turris Crescentii извѣстно другое — для того-же Castel St. Angelo: domus Theodorici, Dietrîches hûs. Какъ объяснить его — я не знаю; во всякомъ случаѣ едва-ли кто согласится съ Ваккернагелемъ, предполагающимъ, что пошло оно изъ древняго преданія, давшаго сюжетъ древненѣмецкой поэмѣ о Кресценціи и двухъ Дитрихахъ. Естественнѣе допустить, что пересказывая распространенную легенду о невинно преслѣдуемой красавицѣ, женѣ римскаго императора, авторъ пріурочилъ её къ мѣстности, для которой уже существовали два названія: turris Crescentii и domus Theodorici, и что онъ ограничился своеобразнымъ перенесеніемъ этихъ именъ въ свою поэму. У римскаго царя Нарцисса два сына, красивый и некрасивый *Дитрихи;* оба сватаются за *Кресценцію*, дочь африканскаго царя; она предпочитаетъ втораго. Когда ея мужъ отправился на войну, деверь начинаетъ осаждать её предложеніями любви; Кресценція старается избѣжать ихъ, обращается къ уловкамъ, показываетъ видъ, что склоняется на его просьбы: пусть только построитъ *крѣпкую башню*, куда-бы они могли скрыться вдвоемъ отъ возможнаго гнѣва Римлянъ. И Дитрихъ строитъ башню; но не добившись своего, онъ же обвиняетъ Кресценцію передъ вернувшимся мужемъ въ прелюбодѣяніи. Отсюда ея исторія развивается по обычному типу легендъ о преслѣдуемой красавицѣ, женѣ, дочери и т. д. Внѣшнее пріуроченіе именъ кажется мнѣ яснымъ; если-бы я рѣшился предположить ихъ основными въ поэмѣ, я остановился-бы на имени не Дитриха, а Кресценціи: Кресценція-Croissant напомнили-бы мнѣ Ydée-Ydes.

Загадочнымъ остается мистическій колоритъ разсказа о Croissant, обѣднѣвшемъ отъ щедрости, скитальцѣ, засыпающемъ надъ кладомъ, для него уготованнымъ, о свѣтѣ, сіяющемъ вокругъ него, когда посѣщаетъ его царь. Всё это отзывается стилемъ легенды. Въ этомъ смыслѣ интересно появленіе *имени* Croissant въ передѣлкѣ вступительныхъ сценъ изъ Варлаама и Іоасафа, пріютившейся въ романѣ о Baudouin de Sebourc, гдѣ Croissans также заключенъ отцемъ, желающимъ уберечь его отъ вліяній христіанства, какъ Іоасафъ Абеннеромъ, и происходятъ извѣстныя встрѣчи съ типами человѣческой немощи (больнымъ, хромымъ и слѣпымъ), которыя наводятъ юношу на «спасеный путь».